



Мамчурская санитария. В Мамчурск по словам Зав. около ст. Хинган, самое большое сажень 130—200 в сторону, много встречается китайских трунов. Труны лежат на голой земле, слева прикрыты роговой или лоскутами. Судя по отставшему льду, труны лежат еще с прошлого года. Клы уборки приступит никто не найдется нужным.

Сибирская жизнь. ХРОНИКА СИБИРИ.

Торговая школа в Благовещенск. На заседании комиссии Благовещенской думы городского головы А. В. Кириллов поставил на рассмотрение вопрос об изыскании средств на устройство и содержание в Благовещенск торговой школы.

Из прочитанного отчета Учебного Отдела министерства финансов выяснилось, что министерство, признавая учреждение в Благовещенск торговой школы весьма желательным, не может однако принять полностью ее содержание и оборудование на счет государственного казначейства. Поэтому оказывается необходимым изыскать и местные средства.

Городской голова из нескольких словных расказывал историю возникновения и думы желая возбудить ходатайство о торговой школе. По его словам, открыть школу предложил Управлений Ивонной Палатов Неудачина, который послал походы своей в Петербург обобщая, что все расходы примет на себя министерство. Только в виду этого обещания город и возбудил ходатайство. Разрешается, что предполагается Неудачина и городе не осуществил и пущи местные средства, то по мнению городского головы, лучше отказаться от школы, особой нужной необходимости в которой не ощущается.

Гласный Косяк предлагал весьма существенное предложение. По его мнению нужно обратиться к содействию местных коммерсантов, для которых нужно в главном образом школа. Впротивном коммерсанты не отказались собрать известную сумму на первоначальное оборудование школы. Дума так и решила, предложить купечеству местному изыскать, какую сумму они могли бы собрать одновременно в пособие казны на расходы по оборудованию школы.

А. М. Сибирь и Англия. 25 мая прибыл в Тобольск на несколько дней Великобританский правительственный коммерческий агент в России мистер Генри Кук, имеющий постоянное местожительство в Москве. С целью ознакомления с местными условиями обмена продуктами Сибири с Англией, он намерен посетить все сколько прудов выдающихся в торговом промышленном отношении ивта 3. и В. Сибиря до самого Владивостока. 28 числа м-р Кук обратившись в тобольский музей, где обратил особое внимание на отделе этнографический и кустарно-промышленный, а также на изделия из мамонтовой кости, которые, по его мнению, могут служить предметом хорошего обмена в Англию.

Рядкий дар Тобольскому музею. Тобольский музей недавно через своего председателя получил в дар от П. Н. Захарова рядку по древности книгу — лотный обиход, заключающий в себе все ипсности на двенадцатье праздники, также и на другие церковные службы. Обиход этот переписан от руки в 1769 году в Тобольске дьячком Иоанном Шибниковым, можно

сказать, художественно и чрезвычайно отчетливо. По содержанию замечательны те, что заключает в себе древнейшие церковные напевы и салов. представляется большой интерес для специалистов по истории церковной музыки и старостров. Книга переписана в кожаный переплет и поэтому прекрасно сохранилась, хотя и носит на себе следы долговременного употребления. В музее находится в отделе церковных древностей и рукописей и вполне доступна для посетителей.

В борьбе с холерой. 19 мая состоялось экстренное заседание гласных районской думы, созванное для рассмотрения вопроса о принятии мер против заноса в город и распространения в нем холерной инфекции, появившейся в Манчурск в ста верстах от города в Сан-чан-дзайн, где обнаружено уже 3 заболевших. Городская дума, обсудив вопрос, постановила: привести в полный порядок и ремонтировать холерную больницу; передать больницу и все дело борьбы с эпидемией городской санитарно-исполнительной комиссии, по телеграфу возбудить перед высшим Правительством ходатайство об отпуске из казны до 50 тысяч рублей на борьбу с холерой.

Тотчас же послы заставили думу, состоявшее заседание санитарно-исполнительной комиссии под председательством И. Прищепа, посвященное разработке вопросов, связанных с угрожающей нам новой бедой.

Тобольским правительственным агрономом устраивается выставка. Изготовителем выставки, выставка скота, на которой будут также и куры мясояичного хозяйства. На выставку отпущено м-новт 3. и Г. И. всего 500 р., из них 150 р. — на денежные награды. Кроме денежных наград будут даны бронзовые медали и пять похвальных грамот.

Во Владивостоке на последнем заседании областного по городским делам присутствия рассматривался вопрос о расширении содержания, назначения и административной принадлежности В. А. Панова.

Размыв содержания присутствия определены, согласно думского назначения, на последнее четырехлетие, — в 6000 руб. в год.

Переименование китайцев. По словам «Ам. Кр.» в последний весной рядку бросается в глаза массовое движение граждан Невской империи. Начиная со второго дня паски китайцы идут партиями от 20 до 40 и 50 человек ежедневно из Србтенка на таежные кабинетский завод, присика. Замечательно, что почти поголовно все охоты и охоты на национально-плате и охоты. В каждой партии непременно есть один или два волака переводчика, уже бывших в наших краях. По словам этих волаков, нет эта движущая масса рядку, а именно идет из разных мест Китая. Большая половина их идет до Горбичи, часть же переправляется чрез р. Шангу и идет по Галинскому тракту на присика, декадеция близя Перинского Завода и р. Аргуня.

Корреспонденция

Холода восток. Заманчивая ель. Успенские земледельцы в кризис. Разборчивые китайцы. Оленевники. В этом году у нас почти почти поздно. Вуюю этого — холдная погода: с 27 апреля погода была очень хорошая, земля была радована, считая ее установленной на лето, но вдруг 1 мая похула

Иногда она плавя многомолотоно и грустно. Это были как-то незаметно ивта пшени, вбрые, не пшени, а импровизация, волюи думи. Слабые грустные звуки безопио млетли по узкой ковчат, потом точно садныи жалены твима на ей безакронное лицо и заставили твима.

И понимал, что эти ивта — единое целое, и когда я слышал их, мвб хотелось пойти к ней и расселить ее анекдотами. Но я не шел. Мы вступались иногда на дтвннги, но ове, увезави по мвб стоило, только конфузлино створава ивта, а я... просто проходил мимо, не рвмываясь в разговор.

И утвлялся в то время тувдрой и счмныи тщательным образом изучать ее оть Торва до Кары, оть Кары до Калмыи. Весь стол в моей комнате и угол около стога были завалены толстыми и тонкими книгами, на корешках которых можно было прочесть: тувдра... тувдра... тувдра. И читал и писал о тувдр, и тувдра вострвала в мой думб до колоссальных размеров и зловонная все. И отчетливо представлял себе мерзлую, обросшую мохом тувдрю — болото, жалкое кривые кусты, и на них безопионо тувдролощелые листья.

Иногда она плавя многомолотоно и грустно. Это были как-то незаметно ивта пшени, вбрые, не пшени, а импровизация, волюи думи. Слабые грустные звуки безопио млетли по узкой ковчат, потом точно садныи жалены твима на ей безакронное лицо и заставили твима.

И понимал, что эти ивта — единое целое, и когда я слышал их, мвб хотелось пойти к ней и расселить ее анекдотами. Но я не шел. Мы вступались иногда на дтвннги, но ове, увезави по мвб стоило, только конфузлино створава ивта, а я... просто проходил мимо, не рвмываясь в разговор.

И утвлялся в то время тувдрой и счмныи тщательным образом изучать ее оть Торва до Кары, оть Кары до Калмыи. Весь стол в моей комнате и угол около стога были завалены толстыми и тонкими книгами, на корешках которых можно было прочесть: тувдра... тувдра... тувдра. И читал и писал о тувдр, и тувдра вострвала в мой думб до колоссальных размеров и зловонная все. И отчетливо представлял себе мерзлую, обросшую мохом тувдрю — болото, жалкое кривые кусты, и на них безопионо тувдролощелые листья.

Иногда она плавя многомолотоно и грустно. Это были как-то незаметно ивта пшени, вбрые, не пшени, а импровизация, волюи думи. Слабые грустные звуки безопио млетли по узкой ковчат, потом точно садныи жалены твима на ей безакронное лицо и заставили твима.

И понимал, что эти ивта — единое целое, и когда я слышал их, мвб хотелось пойти к ней и расселить ее анекдотами. Но я не шел. Мы вступались иногда на дтвннги, но ове, увезави по мвб стоило, только конфузлино створава ивта, а я... просто проходил мимо, не рвмываясь в разговор.

И утвлялся в то время тувдрой и счмныи тщательным образом изучать ее оть Торва до Кары, оть Кары до Калмыи. Весь стол в моей комнате и угол около стога были завалены толстыми и тонкими книгами, на корешках которых можно было прочесть: тувдра... тувдра... тувдра. И читал и писал о тувдр, и тувдра вострвала в мой думб до колоссальных размеров и зловонная все. И отчетливо представлял себе мерзлую, обросшую мохом тувдрю — болото, жалкое кривые кусты, и на них безопионо тувдролощелые листья.

Иногда она плавя многомолотоно и грустно. Это были как-то незаметно ивта пшени, вбрые, не пшени, а импровизация, волюи думи. Слабые грустные звуки безопио млетли по узкой ковчат, потом точно садныи жалены твима на ей безакронное лицо и заставили твима.

И понимал, что эти ивта — единое целое, и когда я слышал их, мвб хотелось пойти к ней и расселить ее анекдотами. Но я не шел. Мы вступались иногда на дтвннги, но ове, увезави по мвб стоило, только конфузлино створава ивта, а я... просто проходил мимо, не рвмываясь в разговор.

И утвлялся в то время тувдрой и счмныи тщательным образом изучать ее оть Торва до Кары, оть Кары до Калмыи. Весь стол в моей комнате и угол около стога были завалены толстыми и тонкими книгами, на корешках которых можно было прочесть: тувдра... тувдра... тувдра. И читал и писал о тувдр, и тувдра вострвала в мой думб до колоссальных размеров и зловонная все. И отчетливо представлял себе мерзлую, обросшую мохом тувдрю — болото, жалкое кривые кусты, и на них безопионо тувдролощелые листья.

Иногда она плавя многомолотоно и грустно. Это были как-то незаметно ивта пшени, вбрые, не пшени, а импровизация, волюи думи. Слабые грустные звуки безопио млетли по узкой ковчат, потом точно садныи жалены твима на ей безакронное лицо и заставили твима.

Иногда она плавя многомолотоно и грустно. Это были как-то незаметно ивта пшени, вбрые, не пшени, а импровизация, волюи думи. Слабые грустные звуки безопио млетли по узкой ковчат, потом точно садныи жалены твима на ей безакронное лицо и заставили твима.

И понимал, что эти ивта — единое целое, и когда я слышал их, мвб хотелось пойти к ней и расселить ее анекдотами. Но я не шел. Мы вступались иногда на дтвннги, но ове, увезави по мвб стоило, только конфузлино створава ивта, а я... просто проходил мимо, не рвмываясь в разговор.

И утвлялся в то время тувдрой и счмныи тщательным образом изучать ее оть Торва до Кары, оть Кары до Калмыи. Весь стол в моей комнате и угол около стога были завалены толстыми и тонкими книгами, на корешках которых можно было прочесть: тувдра... тувдра... тувдра. И читал и писал о тувдр, и тувдра вострвала в мой думб до колоссальных размеров и зловонная все. И отчетливо представлял себе мерзлую, обросшую мохом тувдрю — болото, жалкое кривые кусты, и на них безопионо тувдролощелые листья.

Иногда она плавя многомолотоно и грустно. Это были как-то незаметно ивта пшени, вбрые, не пшени, а импровизация, волюи думи. Слабые грустные звуки безопио млетли по узкой ковчат, потом точно садныи жалены твима на ей безакронное лицо и заставили твима.

И понимал, что эти ивта — единое целое, и когда я слышал их, мвб хотелось пойти к ней и расселить ее анекдотами. Но я не шел. Мы вступались иногда на дтвннги, но ове, увезави по мвб стоило, только конфузлино створава ивта, а я... просто проходил мимо, не рвмываясь в разговор.

И утвлялся в то время тувдрой и счмныи тщательным образом изучать ее оть Торва до Кары, оть Кары до Калмыи. Весь стол в моей комнате и угол около стога были завалены толстыми и тонкими книгами, на корешках которых можно было прочесть: тувдра... тувдра... тувдра. И читал и писал о тувдр, и тувдра вострвала в мой думб до колоссальных размеров и зловонная все. И отчетливо представлял себе мерзлую, обросшую мохом тувдрю — болото, жалкое кривые кусты, и на них безопионо тувдролощелые листья.

Иногда она плавя многомолотоно и грустно. Это были как-то незаметно ивта пшени, вбрые, не пшени, а импровизация, волюи думи. Слабые грустные звуки безопио млетли по узкой ковчат, потом точно садныи жалены твима на ей безакронное лицо и заставили твима.

И понимал, что эти ивта — единое целое, и когда я слышал их, мвб хотелось пойти к ней и расселить ее анекдотами. Но я не шел. Мы вступались иногда на дтвннги, но ове, увезави по мвб стоило, только конфузлино створава ивта, а я... просто проходил мимо, не рвмываясь в разговор.

И утвлялся в то время тувдрой и счмныи тщательным образом изучать ее оть Торва до Кары, оть Кары до Калмыи. Весь стол в моей комнате и угол около стога были завалены толстыми и тонкими книгами, на корешках которых можно было прочесть: тувдра... тувдра... тувдра. И читал и писал о тувдр, и тувдра вострвала в мой думб до колоссальных размеров и зловонная все. И отчетливо представлял себе мерзлую, обросшую мохом тувдрю — болото, жалкое кривые кусты, и на них безопионо тувдролощелые листья.

Иногда она плавя многомолотоно и грустно. Это были как-то незаметно ивта пшени, вбрые, не пшени, а импровизация, волюи думи. Слабые грустные звуки безопио млетли по узкой ковчат, потом точно садныи жалены твима на ей безакронное лицо и заставили твима.

Иногда она плавя многомолотоно и грустно. Это были как-то незаметно ивта пшени, вбрые, не пшени, а импровизация, волюи думи. Слабые грустные звуки безопио млетли по узкой ковчат, потом точно садныи жалены твима на ей безакронное лицо и заставили твима.

И понимал, что эти ивта — единое целое, и когда я слышал их, мвб хотелось пойти к ней и расселить ее анекдотами. Но я не шел. Мы вступались иногда на дтвннги, но ове, увезави по мвб стоило, только конфузлино створава ивта, а я... просто проходил мимо, не рвмываясь в разговор.

И утвлялся в то время тувдрой и счмныи тщательным образом изучать ее оть Торва до Кары, оть Кары до Калмыи. Весь стол в моей комнате и угол около стога были завалены толстыми и тонкими книгами, на корешках которых можно было прочесть: тувдра... тувдра... тувдра. И читал и писал о тувдр, и тувдра вострвала в мой думб до колоссальных размеров и зловонная все. И отчетливо представлял себе мерзлую, обросшую мохом тувдрю — болото, жалкое кривые кусты, и на них безопионо тувдролощелые листья.

Иногда она плавя многомолотоно и грустно. Это были как-то незаметно ивта пшени, вбрые, не пшени, а импровизация, волюи думи. Слабые грустные звуки безопио млетли по узкой ковчат, потом точно садныи жалены твима на ей безакронное лицо и заставили твима.

И понимал, что эти ивта — единое целое, и когда я слышал их, мвб хотелось пойти к ней и расселить ее анекдотами. Но я не шел. Мы вступались иногда на дтвннги, но ове, увезави по мвб стоило, только конфузлино створава ивта, а я... просто проходил мимо, не рвмываясь в разговор.

И утвлялся в то время тувдрой и счмныи тщательным образом изучать ее оть Торва до Кары, оть Кары до Калмыи. Весь стол в моей комнате и угол около стога были завалены толстыми и тонкими книгами, на корешках которых можно было прочесть: тувдра... тувдра... тувдра. И читал и писал о тувдр, и тувдра вострвала в мой думб до колоссальных размеров и зловонная все. И отчетливо представлял себе мерзлую, обросшую мохом тувдрю — болото, жалкое кривые кусты, и на них безопионо тувдролощелые листья.

Иногда она плавя многомолотоно и грустно. Это были как-то незаметно ивта пшени, вбрые, не пшени, а импровизация, волюи думи. Слабые грустные звуки безопио млетли по узкой ковчат, потом точно садныи жалены твима на ей безакронное лицо и заставили твима.

И понимал, что эти ивта — единое целое, и когда я слышал их, мвб хотелось пойти к ней и расселить ее анекдотами. Но я не шел. Мы вступались иногда на дтвннги, но ове, увезави по мвб стоило, только конфузлино створава ивта, а я... просто проходил мимо, не рвмываясь в разговор.

И утвлялся в то время тувдрой и счмныи тщательным образом изучать ее оть Торва до Кары, оть Кары до Калмыи. Весь стол в моей комнате и угол около стога были завалены толстыми и тонкими книгами, на корешках которых можно было прочесть: тувдра... тувдра... тувдра. И читал и писал о тувдр, и тувдра вострвала в мой думб до колоссальных размеров и зловонная все. И отчетливо представлял себе мерзлую, обросшую мохом тувдрю — болото, жалкое кривые кусты, и на них безопионо тувдролощелые листья.

Иногда она плавя многомолотоно и грустно. Это были как-то незаметно ивта пшени, вбрые, не пшени, а импровизация, волюи думи. Слабые грустные звуки безопио млетли по узкой ковчат, потом точно садныи жалены твима на ей безакронное лицо и заставили твима.

Иногда она плавя многомолотоно и грустно. Это были как-то незаметно ивта пшени, вбрые, не пшени, а импровизация, волюи думи. Слабые грустные звуки безопио млетли по узкой ковчат, потом точно садныи жалены твима на ей безакронное лицо и заставили твима.

И понимал, что эти ивта — единое целое, и когда я слышал их, мвб хотелось пойти к ней и расселить ее анекдотами. Но я не шел. Мы вступались иногда на дтвннги, но ове, увезави по мвб стоило, только конфузлино створава ивта, а я... просто проходил мимо, не рвмываясь в разговор.

И утвлялся в то время тувдрой и счмныи тщательным образом изучать ее оть Торва до Кары, оть Кары до Калмыи. Весь стол в моей комнате и угол около стога были завалены толстыми и тонкими книгами, на корешках которых можно было прочесть: тувдра... тувдра... тувдра. И читал и писал о тувдр, и тувдра вострвала в мой думб до колоссальных размеров и зловонная все. И отчетливо представлял себе мерзлую, обросшую мохом тувдрю — болото, жалкое кривые кусты, и на них безопионо тувдролощелые листья.

Иногда она плавя многомолотоно и грустно. Это были как-то незаметно ивта пшени, вбрые, не пшени, а импровизация, волюи думи. Слабые грустные звуки безопио млетли по узкой ковчат, потом точно садныи жалены твима на ей безакронное лицо и заставили твима.

И понимал, что эти ивта — единое целое, и когда я слышал их, мвб хотелось пойти к ней и расселить ее анекдотами. Но я не шел. Мы вступались иногда на дтвннги, но ове, увезави по мвб стоило, только конфузлино створава ивта, а я... просто проходил мимо, не рвмываясь в разговор.

И утвлялся в то время тувдрой и счмныи тщательным образом изучать ее оть Торва до Кары, оть Кары до Калмыи. Весь стол в моей комнате и угол около стога были завалены толстыми и тонкими книгами, на корешках которых можно было прочесть: тувдра... тувдра... тувдра. И читал и писал о тувдр, и тувдра вострвала в мой думб до колоссальных размеров и зловонная все. И отчетливо представлял себе мерзлую, обросшую мохом тувдрю — болото, жалкое кривые кусты, и на них безопионо тувдролощелые листья.

Иногда она плавя многомолотоно и грустно. Это были как-то незаметно ивта пшени, вбрые, не пшени, а импровизация, волюи думи. Слабые грустные звуки безопио млетли по узкой ковчат, потом точно садныи жалены твима на ей безакронное лицо и заставили твима.

И понимал, что эти ивта — единое целое, и когда я слышал их, мвб хотелось пойти к ней и расселить ее анекдотами. Но я не шел. Мы вступались иногда на дтвннги, но ове, увезави по мвб стоило, только конфузлино створава ивта, а я... просто проходил мимо, не рвмываясь в разговор.

И утвлялся в то время тувдрой и счмныи тщательным образом изучать ее оть Торва до Кары, оть Кары до Калмыи. Весь стол в моей комнате и угол около стога были завалены толстыми и тонкими книгами, на корешках которых можно было прочесть: тувдра... тувдра... тувдра. И читал и писал о тувдр, и тувдра вострвала в мой думб до колоссальных размеров и зловонная все. И отчетливо представлял себе мерзлую, обросшую мохом тувдрю — болото, жалкое кривые кусты, и на них безопионо тувдролощелые листья.

Иногда она плавя многомолотоно и грустно. Это были как-то незаметно ивта пшени, вбрые, не пшени, а импровизация, волюи думи. Слабые грустные звуки безопио млетли по узкой ковчат, потом точно садныи жалены твима на ей безакронное лицо и заставили твима.



